

давало Щербачеву развернуть свою деятельность во всех задуманных им направлениях. Отчасти это объяснялось также отсутствием средств, особенно на далеко идущие планы Щербачева создать славянский добровольческий корпус. В Омске не разделяли мнение Щербачева о необходимости широкой интервенции иностранных войск. В Омске на словах приветствовали миссию Щербачева, в то же время отказывали ей в средствах, это указывает на опасения Омска, что Щербачев, как и РПС, хочет играть самостоятельную роль.

Все же миссия достигла некоторых успехов. До прибытия на юг России английской военной миссии генералу Гермониусу удалось направить туда некоторое количество снаряжения, а генералу Головину — добиться поддержки для Северо-Западного фронта. Как падчерица омского правительства, миссия вряд ли могла рассчитывать на большее; сами союзники взяли на себя снабжение прочих фронтов и даже не сообщали Управлению заграничного снабжения данные о поставках. Управление продолжало существовать и, как станет ясно, в дальнейшем приняло участие в налаживании снабжения из США и Германии. Это было особенно важно, когда стало ясно, что помощь Англии и Франции истощилась, а миссия генерала Романовского в Японии не принесла никакой пользы.

ПОИСКИ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ СНАБЖЕНИЯ

Старый свет был слишком далек и занят своими проблемами, чтобы уделить должное внимание снабжению Колчака. Тенденция заключалась в сокращении помощи Сибири, за счет чего Черчилль пытался увеличить снабжение Деникина; последний был и географически ближе к источнику снабжения и после июля 1919 г., казалось, имеет больше шансов на успех, нежели Колчак. Если юг и север России продолжали получать снабжение из Англии, то Сибирь и северо-запад должны были сами искать новые источники снабжения.

В первом разделе настоящей главы отмечалось, что в Сибири были и те, кто смотрел на Японию как на источник снабжения, способный удовлетворить нужды сибирской армии. Правительство (в особенности дипломаты Сукин и Сазонов) долго не хотело сближаться с Японией, боясь отпугнуть остальных союзников, в частности Америку, но в мае военные все же добились своего. В немалой степени благодаря конфликту с Америкой из-за того, как ее войска охраняли железную дорогу, в мае в Японию была отправлена миссия генерала Ю. Д. Романовского, которая не обладала столь широкими полномочиями, как миссия генерала Щербачева, и не ставила себе целью стать органом закупок и

заказов. Миссия Романовского должна была узнать, насколько можно ожидать поддержки омского правительства со стороны Японии.

Идея миссии генерала Романовского родилась именно тогда, когда отношения между Америкой и Сибирью зашли в тупик. Как уже было сказано, и Сазонов и Сукин отвергали мысль о сближении с Японией, чего настойчиво добивались некоторые правые военные и общественно-политические деятели. 14 апреля 1919 г. Сукин сообщал Сазонову о растущей тревоге в Сибири по поводу бездействия западных держав:

Ваша телеграмма... об отношении к Америке подкрепила проводимое мною здесь политическое направление, но ему приходится иногда встречать порядочные затруднения, как я Вам телеграфировал, — неведение, в котором пребывает общественное мнение относительно европейского положения, дает почву различным слухам и легковерным выводам о невозможности базироваться преимущественно на западные демократии, которые, может быть, не сумеют справиться с напором большевизма и, проявляя недостаточную бдительность, сами рано или поздно им будут захвачены¹⁰².

Ссылаясь на события в Венгрии и волнения по всей Восточной и Центральной Европе, Сукин также отмечает, что заигрывание союзников с Финляндией, Прибалтикой, Украиной и Закавказьем производит на общественное мнение Сибири очень тяжелое впечатление.

Таким образом, разочарование в Америке усугублялось разочарованием в Европе. Создавалась благодатная почва для смены ориентации, которую не преминули использовать разного рода политические деятели и авантюристы. Об одном из них упоминает Сукин: это В. С. Завойко (Курбатов), печально известный по двусмысленной роли в выступлении Корнилова в августе 1917 г. Сукин пишет, что он «смущает умы» и «сеет начала беспокойства» по поводу способности Европы противостоять большевизму: «Выдвигая неуспешность союзнической политики, бесплодность занятой нами позиции и пользуясь слабыми сторонами Америки, он пропагандирует тайный союз с Японией. Такие мысли, конечно, тесно связаны с рекомендуемым общим уклоном вправо...»¹⁰³. Сукин противостоял этим течениям, чем вызвал неудовольствие как прояпонски настроенных военных, так и правых кадетов. Последние даже предприняли шаги, чтобы изгнать его с поста управляющего МИДом. В своих воспоминаниях Л. В. Арнольдов, директор бюро иностранной информации при МИДе и типичный представитель прояпонски настроенных кругов, считавший, что в обмен на северную часть Сахалина и Николаевск-на-Амуре япон-

цы предоставят реальную помощь, описывает страсти, возникшие в это время вокруг Сукина: «В Омске политические круги его определенно заподозревали в ярко выраженных американских симпатиях и в этом отношении были недалеко от истины»¹⁰⁴. Сукин получил прозвище Американский Мальчик (ему было 29 лет). За Сукиным стояли Колчак, Вологодский и большинство министров, и сместить его было не так легко. Впрочем, Сукин не был безоглядным американофилом: его не устраивали поведение американских войск в Сибири и нейтральность правительства США, но он просто понимал, что ставка на одну Японию отпугнет всех остальных союзников и те прекратят оказывать поддержку. В то же время ничего, кроме оккупации части русской территории, от Японии ждать было нельзя. Именно в этом смысле Сукин выступил на съезде восточного отдела партии Народной свободы (кадетов) в середине мая в Омске. Арнольдов описал атмосферу на этом съезде: «Когда кадеты или, вернее, их коноводы: Устрялов, Жардецкий и др., узнали, что Сукин будет говорить, их радости не было границ. Они заранее предвкушали, как они разделают под орех, во время предложения министру вопросов, его внешнюю политику и тем предрешат его отставку»¹⁰⁵.

Сукин, однако, сумел убедить съезд в правильности проводимой им политики балансирования, и попытка свалить его не удалась. Напротив, съезд вынес резолюцию, полностью поддерживающую линию Сукина: «Лишь в тесном единении с коалицией союзных и дружественных держав, возглавляемых передовыми западными демократиями, возможно доведение до конца дела возрождения Великой Единственной [так в тексте. — А. Ш.] России»¹⁰⁶. Резолюция скорее отдавала дань лояльности кадетов правительству и его курсу, чем отражала реальный отказ от прояпонской ориентации. Именно тогда отправился в Японию генерал Романовский, и от результатов его командировки зависел успех или провал прояпонской ориентации.

Решение отправить Романовского в Японию было принято без оглядки на Сукина, так как формально цели командировки были военные. Как и в случае с миссией Щербачева, вопрос о снабжении и военной помощи настолько тесно переплетался с политическими вопросами, что миссия Романовского могла представить определенную угрозу курсу политики, проводимой Сукиным с одобрения Сазонова. Поэтому Сукин относился к этой затее в целом отрицательно и пытался если не помешать миссии, то по крайней мере ограничить возможные последствия ее деятельности.

25 апреля 1919 г. Сукин написал послу в Токио Крупенскому письмо, которое передал через Романовского. В связи с продвижением армии и необходимостью обеспечить тыл и наладить снабжение фронта решено обратиться за помощью к Японии. Крупенский должен

был держать послов Англии и Франции в курсе переговоров с Японией, чтобы они не были истолкованы как «отказ от ориентации на западноевропейские демократии»¹⁰⁷. Сукин также просил Крупенского следить за ходом переговоров, чтобы они велись с ориентацией на прочное и долговременное сотрудничество, очевидно, опасаясь, что у Романовского могут быть секретные инструкции предоставить японцам какие-либо выгоды в обмен на конкретную помощь. Вызывает удивление тот факт, что Сукин не просил Крупенского держать и американского посла в курсе переговоров. Возможно, он хотел намеренно вызвать у американцев на их собственное равнодушие и тем самым вызвать более пристальное внимание с их стороны к омскому правительству.

Сам Сукин сознавал важность улучшения отношений с Японией именно в этот момент. В условиях продвижения армий и возможного признания правительства стало чрезвычайно важно иметь спокойный тыл. Надежность же тыла, в свою очередь, всецело зависела от Японии в прямом (оккупационные войска) и переносном (дальневосточные атаманы) смысле. Об этом Сукин писал Сазонову 23 апреля: спокойствие в тылу «может быть достигнуто только путем установления самого дружелюбного взаимодействия с Японией и принятия последнюю на себя охраны дальневосточных областей, где все еще продолжают большевистские вспышки»¹⁰⁸. Сукин также успокаивал Сазонова, что все переговоры будут вестись через Крупенского, «с привлечением к непосредственному в них участию Франции и Англии».

Сазонов считал переговоры с Японией слишком важными, чтобы поручать их генералу Романовскому: интересы Японии в России настолько явны, что к ним нельзя относиться легкомысленно. 3 мая он ответил Сукину:

Подтверждая необходимость поддерживать наилучшие отношения с Японией, вместе с тем считаю опасным по собственному почину и ради временных целей закреплять ее положение в наших пределах на Дальнем Востоке. При нынешних обстоятельствах мы не правомочны, и нам невыгодно заключать соглашения, рассчитанные на длительный срок... не возражая против послышки Романовского в Токио для разрешения технических военных вопросов местного характера, нахожу недопустимым ведение политических переговоров без предварительного моего заключения¹⁰⁹.

Вообще Сазонову казалось губительным увлечение какой-либо одной стороной ориентацией, и одновременно он также убеждал Деникина на юге России не давать волю франкофобским настроениям.

Опасения Сазонова, что переговоры с Японией выйдут из-под контроля внешнеполитического ведомства, вскоре оправдались. Отправляясь из Владивостока в Японию 19 мая, Романовский не сообщил об этом Сукину, который, в свою очередь, не успел заранее предупредить Крупенского. Последний был неприятно поражен неожиданным появлением Романовского. Особое негодование вызвали инструкции последнего. Его целью было выяснить условия расширения военной помощи Японии с акцентом на обеспечение тыла белых:

Практически от Японии желательно добиться: а) принятия ею на себя ответственности за сохранение порядка в дальневосточных областях и по всей линии железной дороги до Иркутска [то есть занять место американских войск. — *А. Ш.*]... б) получение помощи от Японии для формирования русских войск на Дальнем Востоке; в) установление регулярной помощи японского правительства в смысле снабжения русской армии боевыми припасами¹¹⁰,

вплоть до создания в Японии особых предприятий военной промышленности, которые производили бы военное имущество для русской армии до восстановления собственной промышленности. Были и другие пожелания: японцы должны отказаться от поддержки местных властей и военачальников, настроенных против центрального правительства, японские агенты в России должны уважать правительственную власть, и, наконец, Япония должна быть готова отправить свои войска на охрану железной дороги к западу от Иркутска и даже на фронт, если обстоятельства потребуют от омского правительства обратиться к Японии с такой просьбой.

Конечно, обращаясь за такой масштабной помощью, следовало предложить весьма существенные уступки. Туманная формулировка в начале инструкции о признании взаимных интересов Японии и России получила реальные очертания в шестом пункте:

В вопросе о компенсациях желательно проявить большую гибкость, предлагая японцам самим формулировать свои вождения, однако обнадеживая их указанием на возможность предоставления им как серьезных экономических выгод, так и уступки в их пользу некоторых наших договорных прав¹¹¹.

Узнав о такой инструкции, Крупенский 21 мая разразился длинной телеграфной жалобой не только Сукину, но и Сазонову и Бахметеву. Он уже давно предупреждал, что промышленность Японии не способна удовлетворить потребность белых в оружии и боеприпасах¹¹²,

и вновь повторял, что надеяться на увеличение такого рода помощи от Японии не приходится. Что касается возможного вывода японских войск с Дальнего Востока, слухи о котором будоражили Омск и явились одной из причин посылки миссии, то Крупенский был склонен видеть совсем иную опасность:

Нет никаких оснований ожидать скорого отозвания японских войск из Сибири, а напротив того, нам следует опасаться, что войска эти будут оставлены там на неопределенное время, как гарантия удовлетворения в той или иной мере японских вождедений <...> обращение к Японии с просьбой о принятии ею на себя охраны русского Дальнего Востока, с ответственностью по поддержанию порядка представляло бы крупную политическую опасность и свелось бы к искательству нами ее протектората в этой части России¹¹³.

Больше всего Крупенского возмутил шестой пункт о компенсациях. В самой формулировке о предоставлении японской стороне возможности внести свои предложения на этот счет он видел большую ошибку: «Таким путем мы сами избавим японцев от необходимости считаться со связывающим их наравне с другими союзниками уговором о бескорыстном вмешательстве»¹¹⁴. По мнению Крупенского, вся затея с миссией Романовского являлась в корне неверной: в переговорах с военными властями Романовскому могут обещать все, что угодно, но эти обещания не будут подкреплены обязательствами внешнеполитического ведомства и правительства в целом. В то же время ввиду широких полномочий Романовского любое его обещание или высказывание будет толковаться как обязательное для омского правительства. В заключение Крупенский снимал с себя всякую ответственность за возможные последствия переговоров Романовского.

В каком-то смысле повторялась история с Финляндией: одни (преимущественно военные) были готовы идти на уступки для привлечения японской помощи, другие (преимущественно дипломаты) их сдерживали. Одни ставили во главу угла сиюминутные нужды в борьбе с большевиками, другие — долгосрочные государственные интересы страны. И здесь Сазонов сыграл главную роль в торможении зашедшего слишком далеко заигрывания с Японией. Еще 15 мая Сукин успокаивал его, объясняя цели миссии Романовского: «На успех переговоров не рассчитываю, если Романовский [пропуск в тексте. — А. Ш.] секретных предложений со стороны Японии, то само собою разумеется, что никакие решения не будут приняты без предварительного Вашего заключения»¹¹⁵. Вообще Сукин представлял миссию как незначительную уступку, сделанную в угоду военным кругам Сибири.

Сазонов, получив телеграмму Крупенского, ответил ему и Сукину резким осуждением политики Омска в отношении Японии. Согласившись с оценкой миссии, данной Крупенским, он требовал «безотлагательно положить конец попыткам, могущим иметь самые непоправимые последствия и окончательно скомпрометировать наши отношения с союзниками и Америкой. <...> Необходимо особенно твердо дорожить принципом солидарности и связанности действий всех союзников в Сибири, помня, что это одно из немногих средств обезопасить восточные окраины от японского захвата»¹¹⁶. Сазонов отмечал несоответствие между целями миссии по привлечению японских войск в Сибирь и заявлениями правительства, что оно может обойтись без иностранной (американской) помощи.

Тревогу Сазонова легко понять. Его телеграмма датирована 2 июня, то есть была написана как раз в тот момент, когда союзники чрезвычайно внимательно следили за развитием положения в Сибири и действиями омского правительства, ожидая от него ответа на свою ноту. Уклонение в сторону Японии в этот момент могло бы поколебать добытые за предыдущие месяцы политические успехи в отношениях с европейскими державами и США. Понимал всю опасность создавшегося положения и Сукин. 30 мая он ответил Крупенскому:

Миссию генерала Романовского следует рассматривать только как попытку, безуспешность которой образумит военные круги в их легковверных и преувеличенных расчетах на Японию. <...> Нельзя было не считать с пожеланиями военных, поскольку они ожидают от нашей дипломатии прежде всего содействия делу борьбы с большевиками. Этой психологией борьбы и военным напряжением проникнуты многие здешние решения, последствия которых нам приходится всеми силами смягчать и осторожно подчинять более широко понятым интересам¹¹⁷.

Сукин просил Крупенского направлять действия и переговоры Романовского так, чтобы они не вызвали подозрения других союзников. Японцы же слишком хорошо понимали, какие возможности открываются для них в связи с командировкой Романовского. Еще до приезда генерала японские представители в Париже подняли вопрос о признании правительства Колчака, а Романовскому внушали, что именно Япония энергично настаивает на признании. И это понятно: ведь то, что японцы хотели от России, могло предоставить им только признанное правительство. Романовский, очевидно, очень довольный любезностью приема и дружественным расположением японского правительства к Колчаку, и не думал согласовывать свои действия с осторожным Крупенским; наоборот, поверив в искренность японцев,

он решил действовать в полном соответствии со своими инструкциями. В результате дипломаты были озадачены: советник МИДа на Дальнем Востоке В. О. фон Клемм писал Сукину, что передает телеграммы Романовского только по долгу службы: «Содержание телеграмм остается всецело на ответственности генерала»¹¹⁸.

Первое время после обмена нотами миссия, по всей видимости, бездействовала в ожидании отклика. После того как выяснялось, что союзники не подкрепили свои обещания помощи конкретными действиями, Романовский приступил к переговорам. В телеграмме от 7 июля он восхищается приемом и дружественным отношением японцев, подчеркивая, что они не намерены выводить войска с Дальнего Востока, поскольку опасаются большевизма. Япония готова расширить свою помощь, «но потребует экономических компенсаций, причем их требования сводятся к продаже им участка Южной китайской железной дороги, о чем уже велись переговоры, и возможности получения некоторых концессий на лесные и минеральные богатства края, причем эксплуатация таковых производится совместно с русским капиталом. Территориальные уступки совершенно исключены»¹¹⁹. В обмен на это японцы обещали поставлять одежду и обувь, оборудовать патронный завод во Владивостоке или Хабаровске и объединить работу своей контрразведки с русской. Вопрос о патронном заводе в особенности интересовал Омск. Военный министр, генерал барон Будберг писал в своем дневнике, что постройка оружейного и патронного заводов «сразу поставит нас на свои ноги по части основного боевого снабжения, избавит от выклянчивания у союзников и остановит утечку за границу золота за делаемые там заказы»¹²⁰.

Хотя за японскую помощь пришлось бы платить если не золотом, то концессиями, но речь не шла о территориальных уступках, которые больше всего волновали общественное сознание. Правда, даже предоставление концессий одной Японии было способно поставить омское правительство в неловкое положение перед остальными союзниками, которые также хотели получить какие-либо выгоды за свою помощь. Насколько нужна была Колчаку эта помощь, показывает инцидент между Японией и омским правительством, конечно не случайный.

Очевидно, для того чтобы проверить серьезность и искренность намерений омского правительства, японцы в первых числах июля отправили суда своего военного флота в дальневосточные (русские территориальные) воды якобы для борьбы с большевизмом и охраны японского рыболовного промысла. Сообщая об этом в Омск 8 июля, Крупенский отметил, что это создает опасный прецедент и, несомненно, повлияет на возобновление рыболовной конвенции

между двумя странами¹²¹. Омское правительство было вынуждено стерпеть эту обиду. 14 июня Сукин ответил Крупенскому:

Наша зависимость от помощи Японии и политическая обстановка особенно в настоящий момент, конечно, исключают возможность какого-либо протеста против появления японских судов в наших территориальных водах. Верховный правитель считает поэтому желательным заявить японскому правительству, что мы приветствуем прибытие японской эскадры»¹²².

Такой оригинальный выход из положения не может скрыть факта, что зависимость белых от иностранной помощи приближалась к тому опасному пределу, который грозил потерей самостоятельности. Правда, невозможность заявить протест еще не свидетельствует о том, что правительство марионеточное. Следует обратить внимание на незначительность этого инцидента на общем фоне событий в России и на тот факт, что в более существенном вопросе о независимости Прибалтики и Финляндии омское правительство придерживалось весьма жесткого курса. Для Сукина же инцидент с японскими судами и информация о миссии Романовского явились лишь подтверждением, что единственная возможность сохранить самостоятельность — это балансировать на пересечении интересов всех союзников. Следовательно, необходимо увеличить удельный вес Америки в сибирских делах, поскольку она исповедует доктрину «открытых дверей» и равных возможностей (при ее экономической мощи после войны это означало собственно преимущественное положение, белые рассматривали мощь Америки как важный фактор в восстановлении русской промышленности и экономики).

Тем временем сами японцы не подкрепили свой дипломатический успех согласием на главное требование Романовского — прислать две дивизии японских войск к западу от Иркутска на охрану железной дороги. Очевидно, они опасались американской реакции на такой шаг¹²³ (в этом Сукин был прав). Романовский жаловался на Крупенского, что тот «избегает этого вопроса» и не желает использовать для его решения давление финансовых кругов Японии, с которыми, по мнению Романовского, можно было достичь договоренности на основании экономических компенсаций¹²⁴. Крупенский же сообщал в письме Сукину от 25 июля, что у японцев просто нет прямых интересов к западу от Байкала

и создавать таковые при нынешней обстановке они не расположены. <...> Единственный стимул, который мог бы побудить Японию действовать в этом направлении более активно, а имен-

но материальные выгоды, которые мы могли бы ей обещать, не имеет для нее практического значения, так как при настоящем международном политическом положении и в силу ревнивого отношения к ней союзников она этими выгодами не была бы в состоянии воспользоваться¹²⁵.

В отличие от русских представителей в Европе, в особенности Махлакова и Сазонова в Париже, в Азии русские дипломаты — Кудашев в Пекине и Крупенский в Токио — отлично понимали интересы правительств, при которых они были аккредитованы. Крупенский, декан корпуса иностранных дипломатов в Токио, имел к тому же хорошо подготовленных советников М. С. Шекина и Д. И. Абрикосова. Если в Европе еще Временное правительство затеяло чехарду с русскими представителями, то на Дальнем Востоке опытные люди остались на прежних местах. Они отлично знали сильные и слабые стороны Японии и Китая и во всяком случае трезво оценивали их политику в отношении России.

В результате и в Омске осведомленные лица не питали иллюзий в отношении японской помощи, да и те, кто искал такую помощь, понимали, что за нее придется дорого платить. Пытаясь решить вопрос о посылке японских войск к западу от Байкала, миссия Романовского зашла в тупик, а значит, Крупенский и его советники в Токио верно оценивали положение. Сукин торжествовал; уже 26 июля он телеграфировал Крупенскому:

Отказ Японии в посылке двух дивизий на запад от Иркутска не явился для нас неожиданностью. Теперь можно вполне оценить значение командировки генерала Романовского в Японию. Если бы мы в свое время не допустили этой поездки, то Министерство иностранных дел едва ли могло теперь противостоять нападкам военных и обвинений в нежелании подготовить почву к сотрудничеству с Японией. Теперь же военные круги имели возможность убедиться, какова практическая ценность их легковых расчетов на японскую помощь и блестящих якобы результатов, достигнутых Р[омановским]¹²⁶.

Страсти вокруг миссии Романовского улеглись как нельзя вовремя. После прибытия в Омск американского посла в Токио Морриса, в двадцатых числах июля началось омское дипломатическое совещание. На него и на Морриса в частности, как представителя США, возлагались очень большие надежды. Наконец обмен нотами должен был принести свои плоды, предполагалось, что Америка отчасти возьмет на себя снабжение белых.

Результаты миссии Романовского в отношении обеспечения снабжения не были значительными. Хотя снабжение как таковое рассматривалось как второстепенная задача (главная цель состояла в привлечении японских войск), тем не менее ясно, насколько оно было связано с вопросом о внешнеполитической ориентации. Ввиду незначительности результатов миссии в отношениях между белыми и японцами практически ничего не изменилось. В июле Япония приняла заказ на 50 000 винтовок и 20 млн патронов, но назначила за них вымогательскую цену и потребовала оплату в золотых слитках¹²⁷.

Уже в августе Япония вновь стала чинить препятствия белым в различных вопросах, касающихся военного имущества. Так, все имущество, захваченное японскими оккупационными войсками, считалось военной добычей. На этом основании Япония отказывалась возвращать русским суда амурской речной флотилии, захваченной еще в 1918 г. Более того, в августе 1919 г. прекратились частичные выдачи захваченного русского военного имущества из запасов крепости Николаевска-на-Амуре: японцы ссылались на неведомое омскому МИДу соглашение «русских и японских властей на Дальнем Востоке [что] все материалы, захваченные у большевиков при освобождении местности японскими войсками, считаются их военной добычей»¹²⁸.

Возможно, ужесточение позиции японских властей связано с новым уклоном политики Омска в сторону США. Так или иначе именно значительно более масштабные ресурсы и возможности Америки удовлетворить потребности белых в оружии и боеприпасах заставили Омск направить свои взоры за океан, тем более что сама Америка предпринимала явные шаги к улучшению и укреплению своих отношений с Омском. Это не могло не пройти незамеченным в Токио и в конечном итоге привело к дипломатическому конфликту между Японией и США.

Была и другая причина большей предпочтительности США для дипломатов белых демократичность американцев. Недаром Сукин связывал японскую ориентацию с общим уклоном вправо, то есть с реакционными тенденциями. Сукин, Маклаков, Набоков и даже Сазонов, несмотря на их традиционные и консервативные взгляды на задачи русской дипломатии, все же предпочитали союз с западной (французской, английской или американской) демократией союзу с Японией, который сулил несомненный поворот вправо.

Политические и военные деятели, которые придерживались японской ориентации, были готовы идти на разрыв с западными демократиями ради тех во многом иллюзорных выгод, которые они надеялись получить от Японии. Ставя борьбу с большевиками превыше всего, некоторые деятели даже были готовы идти на территориальные уступки ради получения военной помощи. Миссия Романовского, в от-